

Валерий Ковалев

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Криминальное чтение

Валерий Ковалев

Мертвая голова

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Ковалев В. Н.

Мертвая голова / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Прокурорско-следственная практика весьма необычна и интересна. Бывают самые разные дела, надзорные материалы и истории. Порой веселые, а иногда трагические и ужасные. Они сейчас заполнили телевизионные экраны, как правило, выдуманные. Эти - настоящие. Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

Мертвая голова

Расстрельный прокурор

Было это в бытность службы в Прокуратуре СССР, куда меня перевели зональным* на закате перестройки.

Подразделение, в котором я теперь служил, насчитывало порядка двадцати человек, многие из которых работали еще при Руденко.

Вместе с нами на этаже располагался отдел по надзору за исполнением законов в местах лишения свободы. Работали в нем угрюмые пожилые дядьки, что объяснялось спецификой работы. За глаза их звали «обмороки», лексикон – сплошная феня*.

Как-то выходим с двумя нашими в общее фойе, усаживаемся в раритетные кресла, времен Берию, закуриваем и обсуждаем недавнее выступление академика Сахарова на очередном Съезде депутатов СССР по поводу ущемления прав народа.

Подходит, возвращающийся от начальства «обморок» с красной папкой* в руке, несколько минут слушает, а потом говорит, – болтуны вся эта интеллигенция. Настоящие борцы за справедливость есть только у нас, в зонах.

Хотя бы этот (демонстрирует папку). Взял и в знак протеста прибил себя гвоздями яйца к шконке. О чем написал Генеральному прокурору. А этот Сахаров прибьет? Молчите? То-то же (скрывается за дверью).

– М-да, – пускает вверх струйку один из наших. – Я бы так не смог. А ты? – поворачивает голову ко второму.

– Я вполне, – не задумываясь, отвечает тот. – Но только товарищу Горбачеву.

Проходит время, как-то возвращаемся в том же составе с обеда.

Вдруг из кабинета соседей с матами выбегает старший прокурор и исчезает в умывальнике напротив.

Когда выходит, интересуется, – в чем дело?

– Представляете (вытирает руки носовым платком). Сижу, читаю жалобу очередного сидельца. Всю жизнь по тюрьмам да ссылкам, как Ленин. И пишет, сука, так душевно. Дохожу до последнего листа, а там обрисован здоровенный член. Под ним приписка: «К сему прикладываю свою ялду. С дружеским приветом».

– Га-га-га! – корчимся мы от смеха. – И как такое лагерная цензура проглядела?

– Щас пойду разбираться, – бурчит коллега – Всем устрою легкий крик на лужайке.

А еще в смежном с нами кабинете сидел «расстрельный прокурор». Звали его Валера. Этот средних лет, худощавый человек, ходил всегда в черном костюме с таким же галстуком и белой накрахмаленной рубашке. Чем-то напоминая сотрудника похоронного бюро.

Относился он к уголовно-судебному отделу, но замыкался лично на Генерального прокурора – в то время Действительного государственного советника Александра Михайловича Рекункова. Фронтовика и большой души человека.

По действовавшему тогда законодательству, помиловать приговоренных к высшей мере наказания осужденных, могла только специальная комиссия Президиума Верховного Совета СССР.

Но это не так. Решение, казнить или миловать, принимал Генеральный прокурор, после поступления оттуда уголовного дела и изучения его Валерой. Он составлял заключение и докладывал дело «тет а тет». Затем документ подписывался Рекунковым и, все направлялось в Комиссию.

Ну а та «кукарекала», как надо.

Одним разом следуем от парторга, которому платили взносы. У окна холла, глядя вдаль, дымит беломориной Валера.

– Как дела, – спрашиваем?

– Ничего (оборачивается), помаленьку.– Только что от Рекса*, отказали в помиловании каннибалу.

– И что, много народу съел?

– Да не особо. Но он гад, еще и мясо продавал начальству. На шашлыки, под видом горного барашка.

– А когда и где орудовал?

Валера называет.

Один из наших бледнеет, и, зажав ладонью рот, галопирует к туалету.

– Ты чего? – спрашиваем, когда возвращается.

– Я в это время (сипит) был там месяц в командировке. И местные коллеги пару раз угощали шашлыком из горного барашка...

Прошло время, «обмороков» стало больше, как и сидельцев. А вот расстрельных прокуроров больше нет. У нас нынче демократия.

Примечания:

зональный – прокурор, курирующий нижестоящие прокуратуры

феня – блатной жаргон

красная папка – обложка для жалоб «особого контроля»

Рекс – прозвище Генерального прокурора СССР Рекункова.

Артист

Март. За окнами кабинета высокая синева неба, вербы в инее и легкий, в пару градусов морозец.

Сажу за столом в своем кабинете, дымлю беломориной и отстукиваю на машинке представление генеральному директору производственного объединения «Первомайскуголь» по поводу выявленных нарушений законности.

На приставной тумбе сбоку звенит внутренний телефон, снимаю трубку

– Зайди, – слышится из нее голос прокурора.

Смяв окурок в пепельнице и заперев дверь, выхожу в холл, где на стульях маятся несколько граждан вызванных к следователям, и поднимаюсь по широкому маршу лестницы на второй этаж. Слева, в торце высокого коридора обитая черным дерматином дверь с латунной табличкой «Приемная».

За ней извлекает из стоящего в углу массивного сейфа толстую стопу всевозможных документов, богатирской стати, молодая секретарша.

– Привет, Наташа, – говорю я (та, улыбнувшись, кивает) и открываю тамбур-дверь кабинета шефа.

В его залитом солнечными лучами объеме, под картиной «Ходоки у Ленина», за двухтумбовым полированным столом сидит сухощавый, с высоким лбом человек. Это прокурор города, старший советник юстиции Виктор Петрович Веденеев. Умница и неsgiбаемый человек.

Он удивительно похож на главный персонаж картины, только моложе и с бритым лицом. В области, за глаза, Виктора Петровича зовут "маленький Ленин".

В данный момент он ругается по телефону с замом областного прокурора.

– А я еще раз вам говорю, что этого дела прекращать не буду! И то, что Мозолев в городе первый секретарь, сути не меняет. Он взяточник и вор. Так и доложите обкому.

Значит так, – опустив трубку на рычаг и закулив очередную сигарету, поднимает шеф на меня карие глаза. У нас по суду накладка. Пролыгина сидит в гражданском процессе, Савицкий едет в Горск на уголовный выездной, и там в это время еще один. Давай, подключайся.

– Понял, – делаю я скорбное лицо и направляюсь к двери.

– Скажешь Ивану, чтобы подбросил до милиции (бросает шеф вслед). Там тебя ждет Савицкий.

– Задолбали эти процессы, – думаю я, покидая начальственный кабинет. – Вроде у меня своей работы нету. А ее, между прочим, выше крыши.

Я старший помощник по общему надзору и обязан проверять городские предприятия, учреждения и организации. По планам работы, заданиям из области и республики.

А еще все, что касается исполнения законодательства о малолетках.

Кроме того, вести в прокуратуре кодификацию*, выступать с лекциями и беседами в трудовых коллективах, выезжать на места происшествий, а также расследовать уголовные дела, приобретая следственные навыки.

В контрразведке, где я служил раньше, на этот счет было намного спокойнее.

Без шума и пыли вербуешь агентов, встречаешься с ними на явочных квартирах, отрабатываешь полученные сигналы. Ну и еще ходишь с крейсерами, которые обслуживаешь, в автономки в Северную Атлантику, где сам себе хозяин.

Зайдя в канцелярию, в другом конце коридора, я получаю у начальника особой части (тоже женщины, но пожилой и сварливой)) надзорное производство по делу* и спускаюсь к себе.

Там сую его в кожаную папку, одеваю пальто и, закрыв кабинет, выхожу через черный ход во двор прокуратуры.

На его мокром асфальте перед двумя гаражными боксами, стоит только что вымытая прокурорская «двадцатьчетверка». Рядом с ней курчавый водитель моих лет, по имени Иван, насвистывая, протирает лобовое стекло фланелью.

Я объясняю ему, что и как, после чего мы садимся в автомобиль, и тот выруливает на улицу.

По дороге достаю из папки надзорное, бегло читаю и хмыкаю. Оно по грабежу, обвиняемый особо опасный рецидивист, с полгода как освободившийся.

Хмырь еще тот. Видел, когда его привозили к Виктору Петровичу для получения санкции на арест.

Из материалов "надзорного" следовало, что после Рождества, бурно его отпраздновав, вечером, на окраине Горска, бандит ограбил двух семиклассниц, возвращавшихся домой после второй смены из школы. У одной, угрожая бритвой, отобрал золотые сережки, а со второй снял шубку.

Во время допроса задержанный заявил, что всех «махал» и отказался отвечать на поставленные вопросы, а потом лихо отбил чечетку.

– Ну, ты прямо артист, – сказал тогда прокурор. – Будешь у меня плясать на лесоповале.

– А ведь он точно Артист, – улыбнулся ведущий это дело, начальник следственного отделения ГОВД майор Бондарь. (Удивительно интеллигентный и мягкий человек). – У него такое погоняло*.

– Так я и говорю, – хмыкнул шеф, вслед за чем размашисто подписал постановление об избрании меры пресечения в виде содержания доставленного под стражей и, хукнув на нее, приклепнул гербовой печатью.

Через десять минут, миновав центр города, а потом автовокзал, мы останавливаемся у здания ГОВД. Оно типовое, в три этажа, на стоянке служебные автомобили, а у входа витрина «Их розыскивает милиция»

Выхожу из машины, Иван разворачивается и уезжает, а я поднимаюсь на высокое крыльцо, захожу внутрь и интересуюсь у дежурного по городу за стеклом, где мне найти Савицкого.

Того в ГОВД глубоко уважают, поскольку он в системе более тридцати лет и весьма авторитетная личность. По виду вылитый Карл Маркс, голос – иерихонская труба* и гроза всех следователей с дознавателями. При всем этом добрейшей души человек, с глубоким чувством юмора и всегда их опекающий.

– Илья Савельевич пьют чай у начальника розыска, – отвечает майор. И тут же тянется к одному из зазвонивших телефонов.

Пройдя длинным гулким коридором со стендами на стенах типа «Партия – наш рулевой» в правое крыло, я захожу в нужный кабинет, там идиллия.

За столом, напротив друг друга сидят Савицкий в мундире, с двумя большими звездами на петлицах и начальник угро Толя Пролыгин в гражданке. Оба прихлебывают из стаканов черный пахучий чай и хрустят баранками.

– А вот и Валера нарисовался, – басит Савицкий отдуваясь. После чего мы с ним ручкаемся.

– Чифирок будешь? – кивает Толя на чайник.

– Нет, – усаживаюсь я на диван у окна. – Тонуса и так хватает.

– Что похвально, – отставляет в сторону стакан Илья Савельевич.

Затем я сообщаю, что выделен в помощь Веденеевым, и ветеран довольно крикает. Мы с ним большие друзья и он фактически мой наставник.

– А на чем будем ехать в Горское? – интересуюсь я.

– Прокатимся на автозаке, – смотрит на наручные часы Савицкий. – Вместе с арестантом. Другого транспорта сегодня не предвидится.

После этого мы говорим Толе «бывай» (Савицкий одевается) и покидаем кабинет направившись во внутренний двор отдела милиции.

Как и положено, он обнесен трехметровой кирпичной стеной со спиралью «бруно» по верху, оборудован автоматическими глухими воротами, и имеет на территории спортзал, а также десяток гаражных боксов.

У одного стоит «двадцатьчетверка» начальника, рядом патрульные «жигули», в их двигателе копается механик, а у входа в ИВС* зеленеет новенький автозак, недавно полученный взамен старого.

Он выполнен на базе сто тридцатого ЗИЛА, с просторной кабиной и таким же, с зарешеченными окошками кузовом.

У машины стоит весьма колоритная группа: низенький плотный старшина, лет под пятьдесят и два здоровенных молодых сержанта. Все в коротких черных бушлатах и шапках, при «макаровых» в кобурах и с меланхолией, написанной на лицах. Это конвой. Причем необычный.

Старшина, по фамилии Воропай, – отец, а оба сержанта его сыновья. Иван и Мыкола. Они проживают в селе Нижнее, на берегу Северского Донца и щирые украинцы.

Держат в тридцать соток огород, пасеку и большое хозяйство.

При нашем появлении тройка оживляется, и все уважительно ручкаются с Савицким, а потом со мной. Строго по рангу.

– Ну шо хлопцы, пора отправляться? – вопрошает их Савицкий.

– Щас, Илья Савельевич – кивает шапкой старшина. – Тюремщики малэнько забарылысь*

Спустя еще минуту со стороны ИВС гремит внутренний запор стальной двери, и в проеме возникает старший лейтенант Слава Хамчич. Маленький, чернявый как грач и весьма озадаченный.

Не так давно он был опером в угро, но после ножевого ранения при задержании, переведен на «легкие хлеба» – начальником изолятора временного содержания.

– Тут такое дело, – рысцой подбегает к нам старлей. – Этот гребаный Артист бузит и говорит, что поедет на суд токо голый.

– Как это голый? – переглядываемся мы с Савицким.

– Да натурально, – разводит руками Слава. – Снял с себя шматье и орет, «так и визите суки!»

– Ну а вы? – интересуюсь я.

– А что мы, пробовали одеть насильно, он гад кусается.

– Все то вас учить надо, – недовольно басит Савицкий. – Пойдем, щас разберемся.

Конвой остается у машины, а мы вслед за Хамчичем спускаемся вниз, в его пенаты.

Они в подвальном этаже здания ГОВД и оборудованы дюжиной камер. В одних сидят правонарушители: мелкие хулиганы, пьяницы и тунеядцы (таких зовут «указники»), а в нескольких – преступники, доставленные для проведения следственных действий и на суд из Артемовского СИЗО.

В ИВС пахнет хлоркой и тоской. Встретивший нас внизу хмурый сержант-охранник, проводит всю группу по ярко освещенному коридору к торцевой камере и, по указанию

начальника, звеня ключами, отпирает обитую железом тяжелую дверь. С кормушкой и глазком для наблюдения.

Распахивает ее до ограничителя и отходит в сторону.

– Прошу, – делает приглашающий жест Слава.

Заходим (первый Савицкий, я за ним), старший лейтенант сзади.

На крашеном деревянном помосте, рядом с горячей батареей отопления, скрестив ноги по татарски, сидит уже знакомый мне Артист. Голый, весь синий от наколок, а на бетонном полу разбросана одежда: шапка с телогрейкой, штаны и прочее.

– О, гражданин прокурор! – довольно щерится фиксами арестант. – Наше вам с кисточкой.

– И тебе не хворать, – отвечает Савицкий. – Так говоришь, поедешь на суд голый?

– А то, – кивает бритой головой злодей. – Я так желаю.

– Ну, коли так, будь по твоему. Выводите (оборачивается Илья Савельевич к начальнику).

После этого мы покидаем камеру и поднимаемся вверх по железным ступеням.

«Ни хрена себе» думаю про себя. «Голый на суде это же скандал. Как можно?»

– Значится так, Петрович, – обращается Савицкий к старшему Воропаю, когда подходим к автозаку. – Этого Артиста посадишь в один отсек в чем есть, а его шматье в соседний.

– ПонЯв Илья Савельевич, – кивает старшина. – Будет сполнено.

Через пару минут охранники снизу выводят из двери голого обвиняемого в наручниках, (один несет его одежду), а тот орет песню

С одесского кичмана,

Бежали два уркана,

Бежали два уркана, да домой!

Лишь только уступили,

В Одесскую малину,

Как поразило одного грозой!

– Хорошо поет лишенец, – умиляется Савицкий. – Грузите.

Конвойные сержанты, отперев боковую дверь кузова, впихивают туда рецидивиста и исчезают вслед за ним, старшина усаживается за руль, мы с Савицким

втискиваемся рядом.

Заурчав двигателем, автозак подъезжает к воротам, коротко сигналист, и они с лязгом ползут в сторону.

Старшина врубает скорость, дает газ, выезжаем на проезжую часть улицы. Далее следует поворот налево, катим по шоссе в сторону автовокзала.

На перекрестке у него сворачиваем направо, машина прибавляет ход, опускаясь в низину, следуем в направлении Горского. Этот шахтерский городок, вместе с еще одним, именуемым Золотое, входит в подчинение Первомайску.

Живут у нас в основном горняки, с весьма высокими заработками. «Жигули», «Москвичи» и даже «Волги» здесь не редкость.

Оставив позади жилой массив, с непрямым частным сектором на окраине, выезжаем на степные, с остатками снега, просторы. Они перемежаются еще черными, балками, где уже орут прилетевшие грачи, зеленеющими озимыми полями и белеющими вдали поселками.

Когда до Горска остается километров пять (в запасе у нас еще час), Савицкий предлагает Воропаю остановиться у кринички, что в бегущей сбоку лесополосе, попить водички.

– А нашо водички? – косится на него старшина, – можно и чего покрепше. Вслед за чем сбавляет скорость, съезжает с асфальта на грунтовку и подворачивает к раскидистому дубу на опушке.

Затем глушит двигатель (все выходим из кабины) и зовет, – Мыкола!

– Га! – выбирается тот из кузова.

– Швыдко организуй костерок, шас немного перекусим.

– ПонЯв, – отвечает тот и направляется за хворостом в лесополосу.

Минут через десять у кринички потрескивает костерок, и Иван с Мыколой поджаривают на нем ломти домашнего сала, нанизанного на прутья.

Синеватые капли падают в огонь, трещат и издают дразнящий запах.

Батка Воропай в это время нарезает на расстеленной газете кирпич хлеба и чистит крупный репчатый лук. Здесь же стоит граненый стакан и солдатская, в чехле фляжка.

Первые сто грамм, старшина наливает Илье Савельевичу.

– Хлебный? – принимает его Савицкий.

– Вы ж знаете, – щурится Воропай. – Другого не держим.

Савицкий выпивает, крякает и закусывает ломтем шкварчащего сала на ноздреватом ломте хлеба.

Процесс повторяем мы со старшиной (сыновьям тот не наливает) и сержанты налегают на бациллу*

– Когда Воропай предлагает по второй, Савицкий, говорит, – будя. Затем, имеющие пагубные привычку закуривают, стоим, любимся природой.

А вскоре ее идиллию нарушают истошные вопли со стороны автозака. – Отдайте шматье, начальники! Я щас кони двину!*

– Во, – осознал, поднимает Савицкий вверх палец.

– Так шо, отдать? – поворачивает голову старшина в сторону машины. – А то захворае.

– Отдай, – кивает Савицкий. – И скажи, чтобы в суде вел себя культурно.

Старшина вразвалку направляется к автозаку и, отперев дверь, влазит внутрь. Вопли прекращаются.

Чуть позже мы въезжаем в Горск и Савицкий выходит у административного комбината шахты. Там у него свой процесс. По нарушениям правил охраны труда, со смертельным исходом.

Мы же следуем в центр, к дворцу культуры. Суд, при почти полном зале, проходит без эксцессов. «Артист» сидит меж конвойными тихо, как мышь, дробно клацающая зубами.

Получив на полную катушку за грабеж, он сонно зевает и от последнего слова отказывается.

Назад едем в том же составе.

На дворе оттепель. Солнце клонится к закату.

Примечания:

Бацилла – сало (жарг)

Двинуть коней – помереть (жарг)

Кодификация – картотека сводов законов

Погоняло – кличка (жарг.)

Новые Икары

Эта история имела место быть, в СССР. На заре горбачевской перестройки. В небольшом шахтерском городке на Луганщине, родине Стахановского движения.

Главной его достопримечательностью являлась зона строгого режима на окраине, где отбывали наказание три тысячи сидельцев.

Зона именовалась у контингента «красной»*, являлось передовой в исправительной системе и курировалась лично Министром Внутренних Дел, – генералом армии Щелоковым.

В отличие от других, в ее оснащенных по последнему слову техники механических и прочих цехах, выпускается весьма нужная стране продукция: рефрижераторы, передвижные ремонтные мастерские, а также автолавки. Часть из них потреблялась внутри, а другая шла на экспорт.

Руководили процессом вольнонаемные инженеры с техниками, а сборку выполняли заключенными. Доставляемые туда с необъятных просторов Родины, при наличии определенных навыков.

Одним таким днем (был месяц май), в третьем цехе учреждения случился простой. С Горьковского автозавода, что на Волге, не пригнали партию автомобильных шасси.

По такому случаю администрация дала части экам выходной, оставив на рабочих местах в ночную смену, пару сборочных бригад, для доводки уже собранных агрегатов.

Те, зевая, расползлись по корпусу, имитируя трудовую активность, а вольнонаемный мастер вместе с вертухаем* поднялись в похожую на аквариум инструменталку, где принялись играть в нарды.

– Ну что, Кулибин, айда? – понаблюдав за начальниками, сказал сухощавый эка в черной робе своему напарнику, с которым они возились у одного из рефрижераторов.

– Погнали,– цикнул слюной тот и, прихватив сумку с инструментами, оба испарились.

Имевший погоняло* «Кулибин», мотал очередной срок за участие в банде, которая специализировалась на угонах и продаже автомобилей, а его приятель, по кличке «Шпалер» – за изготовление и продажу огнестрельного оружия.

Оба отлично разбирались в технике, были у администрации на хорошем счету и косили под активистов*.

Спустя десять минут пара проявилась под звездным небом на открытой площадке за цехом. Там находились ожидавшие своей очереди всевозможные узлы и агрегаты, расходные материалы, а также различный металлический хлам. Как на любом заводе.

Поозиравшись по сторонам, лишенцы определили на гравий свою сумку, а потом, кряхтя, выволокли из кучи хлама металлическую сварную раму, с установленным на ней небольшим двигателем.

– Теперь давай винт, – приказал Кулибин напарнику, извлекая из сумки инструменты.

– Щас, – ответил тот и зарысил к соседней...

На ближайшей к цехам угловой вышке учреждения, огороженного по периметру бетонными плитами и туго натянутой за ним колючкой, нес службу рядовой роты охраны Алибеков. По национальности он был казах, служил второй год и грезил о родном ауле.

Сощутив узкие глаза, аскер* временами оглядывал свой сектор ответственности (тот был от рабочей до жилой зоны) и монотонно тянул песню.

Она называлась «что вижу, то пою», как принято у кочевых народов и чукчей.

Пейзаж был, как всегда, обычным.

В цехах ухало, стучало и визжало, за стеклопакетами оконных проемов взблескивала огнями сварка.

По другую сторону ограды светлели цветущие сады и темнели улицы городской окраины, за которыми в ночь уходила степь с балками. На многие километры.

Когда петь надоело, Алибеков уставился в небо над зоной и опупел: со стороны цехов, кверху цокотело что-то непонятное. Вроде химерной стрекозы с двумя на ней тенями.

В следующее мгновение он очухался и с криком «стой билат!» передернул затвор висевшего на груди автомата.

А поскольку «стрекоза» не реагировала на приказ, дал предупредительный выстрел вверх, а за ней очередь по теням.

Насекомое чем-то брякнуло, рушась вниз, в зоне истошно завыл ревун и загавкали в питомнике овчарки...

Путру в учреждение нагрянула комиссия из области, во главе с начальником ГУИНа* и спец прокурором.

Для начала она осмотрела место падения летательного аппарата, зафиксировав все под протокол и изрядно поудивлявшись технической мысли исполнителей. А затем навестила тех в лазарете учреждения.

Кулибин лежал на койке с подтянутой к кронштейну загипсованной ногой, а Шпалер на второй, с головой, обмотанной бинтами.

– Ну что, ребятки, ударились в побег? – вкрадчиво поинтересовался прокурор.

– Чего молчите? Отвечать! – рявкнул полковник.

– Зачем вы так, гражданин начальник? – сделал Кулибин обиженное лицо. – Мы только хотели немного полетать над зоной.

– Ну да, полетать, – добавил со своей койки Шпалер. – Типа Икары.

– А эта курва с вышки стала по нам пулять, – продолжил Кулибин. – Мы будем жаловаться Генеральному прокурору.

– Ну, что ты прикажешь с ними делать? – развел руками начальник покосившись на прокурора.

– М-да, – пожевал тот губами. – Артисты.

Прошло некоторое время и всем воздалось

"Икарам" впаяли дополнительный срок и отправили валить лес за Уралом, мастеру цеха с вертухом впилили по выговору, а Алибеков получил десять суток отпуска.

Историю эту я знаю из первых рук, от своего приятеля служившего в той зоне заместителем начальника по режиму, и даже видел тот летательный аппарат. Правда, на фотографии.

Примечания:

Красная зона – исправительно-трудовое учреждение, где вся полнота власти принадлежит администрации.

Вертухай – охранник (жарг.)

Погоняло – кличка (жарг.)

Активист – заключенный, сотрудничающий с администрацией.

Аскер – солдат (тюрк.)

ГУИН – Главное управление исполнения наказаний

Юдифь

Эта история, вызвавшая в свое время немало людских пересудов и профессиональный интерес оперативников, произошла в городе Стаханове на Луганщине, где я в бытность служил заместителем прокурора.

И героем ее был не матерый преступник-рецидивист, а хрупкая молодая женщина. Но женщина необычная. Таких ни я, ни мои тогдашние коллеги, в своей практике не встречали.

Как известно, материалы многих нашумевших дел, журналистами и писателями ложатся в основу их произведений детективного жанра. Но, к сожалению, в нашем провинциальном городе их тогда не случилось, а жаль. Это, как раз, такой случай.

А поэтому, в силу оригинальности, попытаюсь о нем рассказать.

В детстве Юлия, так звали нашу героиню, ничем особенным не отличалась, разве что мечтою. Хотела стать юристом. Другие девочки видели себя в будущем врачами, учителями, наконец, просто женами.

А она непременно юристом, причем следователем, прокурором или судьей.

Однако мы предполагаем, а Всевышний располагает. К десятому классу наша Юлия оформилась в настоящую красавицу и за ней стали «приударять» сначала одноклассники, а затем и более зрелые мужчины.

За одного из них, подвизавшегося в торговле, девушка и вышла замуж.

После этого молодожены уехали к нему на родину – в Ростов, откуда через несколько лет Юлия вернулась к родителям без мужа, но с маленьким сынишкой.

Нужно было начинать новую жизнь. А она в то время была у нас ключом.

Стаханов – родина известного в то время на всю Страну стахановского движения, купался в зените славы, расстраивался и хорошел.

Кроме угольного месторождения, в нем было несколько крупных заводов союзного значения, свой мясокомбинат, молокозавод и масса других, менее значительных предприятий.

Высокой была и зарплата. Многие шахтеры и заводчане разъезжали на новеньких «Волгах» и «Ладах», регулярно отдыхали на европейских курортах и имели уютные дачи на живописных берегах Северского Донца и Лугани.

Хотелось красивой жизни и Юле. Тем более, что она еще больше расцвела, да к тому же вернулась в отчий дом дипломированным юристом.

Для начала мечтательница устроилась юрисконсультom в городское управление жилищно-коммунального хозяйства, где сразу обратила на себя внимание высокой работоспособностью, принципиальностью и умением ладить с людьми. Уже через месяц ее избрали председателем группы народного контроля предприятия и выдвинули в народные заседатели стахановского горнарсуда.

И не ошиблись. В первый же год работы активистка «вывела на чистую воду», кого бы вы думали? Своего начальника управления, который понемногу приворовывал.

Того исключили из партии, подвергли денежному начету и отправили на пенсию. Ходили слухи, что таким образом Юлия отомстила ему за понуждение к сожительству, но кто знает?

Уже тогда ее приметили в исполкоме и предложили более серьезную должность – юрисконсульта областного управления сельхозтехники, базировавшегося в городе.

Что это за организация, думаю, объяснять не стоит. Скажу одно, там имелось практически все, что Аркадий Райкин в свое время назвал заманчивым словом «дфысыт» – от острофондируемых строительных материалов и механизмов, до запчастей к «Волгам», «Уазам» и прочей автотехнике. И руководил много лет этим сказочным управлением всеми уважаемый в городе человек.

К нему благоволил сам Первый, и добивались дружбы многие другие начальники. И он ее дарил, не бескорыстно, конечно. По принципу «ты мне, я тебе».

Однако, знал меру и особо не зарывался. Хотя и имел две слабости – хорошую выпивку и красивых женщин.

Вот к нему-то и попала наша Юлия. Будучи наслышан о печальной участи ее бывшего «патрона», тот поначалу относился к сотруднице настороженно. Но чего не делает женское обаяние!

Тем более, что им новая сотрудница владела в совершенстве.

Были у нее и другие достоинства. Каким-то особым чутьем Юлия угадывала нечистых на руку работников. Подловила она и в управлении – двоих, о чем сразу же доложила директору. А тот не терпел когда крадут в его владениях. С треском выгнал.

И стал доверять своему юрисконсульту – ведь сообщила-то она не в ОБХСС или народный контроль, а ему. «Сор из избы» не вынесла, значит, свой человек. А еще через какое-то время, как и следовало ожидать, их отношения стали дружескими, а затем и интимными.

"Патрон" наслаждался любовью юной девы, а она его благосклонностью. И та была немалой.

Вскоре, не без участия директора, горисполком выделил Юлии с сыном отличную двухкомнатную квартиру в новом доме, на работе ей существенно повысили зарплату и за счет предприятия стали выделять путевки для отдыха в пансионатах Крыма.

Но вмешалась любовь. На этот раз настоящая. Юлия познакомилась с молодым горным инженером и стала встречаться с ним. Об этом стало известно директору.

Тот потребовал прекратить эти встречи, грозя в противном случае сообщить тому о своих отношениях с сотрудницей.

Лучше бы он этого не делал. Зная практически о всех махинациях любовника, Юлия сделала вид, что смирилась, а сама решила избавиться от него. Нет-нет, не подумайте чего дурного! Для банального убийства она была очень умна. И придумала иезуитский ход.

По давно установившейся традиции, в выходные, ее шеф с несколькими «отцами города» выезжал на базу отдыха на знаменитое в наших местах Бобровое озеро, где вволю парился в сауне, играл в бильярд и предавался обильным возлияниям.

А утром в понедельник, юрисконсульт приносила ему на подпись кипу различных документов, подлежащих отправке в областные и республиканские инстанции.

Слепо доверяя Юлие, и страдая тяжелым похмельем от выпитого накануне, "кэривинк" не вникал в их суть и ставил начальственную подпись в тех местах, куда указывал изящный пальчик.

Так было и в то роковое для него утро.

Подмахнув последний документ, директор выхлебал бутылку «Нарзана» и, сказав, что ему нездоровится, уехал отсыпаться домой.

А еще через несколько дней директора вызвали в обком. Какой там с ним состоялся разговор неизвестно, но закончился он весьма плачевно – с «командиром производства» случился инфаркт, а затем он был исключен из партии и снят с должности.

Впоследствии выяснилось, что из «Сельхозтехники» на имя первого секретаря обкома Шевченко поступило отпечатанное на фирменном бланке этой организации письмо, в котором сообщалось о ряде злоупотреблений совершенных директором, его пьянстве, стяжательстве и других неблагоприятных поступках.

Завершалось оно настоятельной просьбой о снятии мздоимца и морального разложения с работы и исключении из рядов КПСС. И, кроме того, обещание обратиться в ЦК, в случае отказа в этом.

А в конце стояла подпись ... самого директора.

Все было просто. Письмо исполнила коварная Юлия, подсунув его на подпись своему шефу в числе других документов, а тот, росчерком пера сам подписал себе приговор. Читать надо бумаги, товарищи начальники, читать...

Впрочем, официально этот факт нигде не прозвучал, обком не желал «выносить сор из избы», хотя о нем и стало известно многим.

Как ни странно, но для Юлии эта скандальная история никаких последствий не имела, более того, ее пригласили на работу в горисполком, на должность ведущего юрисконсульта.

Почти как в одной украинской басне «... и шуку кынулы у ричку».

В достаточно короткое время дама сумела расположить к себе председателя, и он, помимо прочего, поручил Юлии курировать работу жилищной комиссии горисполкома. Именно там решались самые актуальные для горожан вопросы – получение квартир из государственного фонда.

Располагая списками очередников и готовя рабочие документы на очередные заседания комиссии, авантюристка очень скоро поняла, что это отличная возможность заводить «нужные» связи и повышать свой рейтинг, что и сделала.

С мнением юриста при распределении жилья стали считаться не только в горисполкоме, но и в других властных структурах, в том числе горкоме, милиции, прокуратуре и суде. Появились и нужные связи. Причем на самом верху.

Ну, и как следствие, улучшилось материальное благосостояние: появилась возможность покупать дефициты, получать дорогие подарки, а также различного рода услуги.

Как говорят, «аппетит приходит во время еды». Так случилось и с Юлией.

Она стала получать «мзду» от благодарных очередников. Сначала понемногу и с опаской. А затем, больше, с элементами вымогательства. Причем у четко определенного круга – начальственных работников торговли, медицины и промышленных предприятий.

Ко времени моего повествования в этой среде знали, что, располагая благосклонностью исполкомовского юриста, реально можно улучшить свои жилищные условия.

Знали об этом и в городских правоохранительных структурах, но помалкивали – Юлия пользовалась благосклонностью одного из их руководителей.

Но все хорошее когда-нибудь, да кончается. Вскоре он попал в какую-то «историю» и перевелся в область, а у Юлии начались крупные неприятности.

Она попала в милицейскую разработку и при получении очередной взятки была задержана «с поличным».

С моей санкции на квартире Юлии безотлагательно произвели обыск и даже выдавшие виды оперативники, были немало удивлены.

Никаких крупных денежных сумм, как ожидалось, они не нашли. Но обнаружили целый архив компромата в отношении «отцов города». Причем не досужие рассуждения, а первичные документы и их копии, различного рода ведомости, акты и справки. А еще удостоверения инспектора комитета народного контроля и СЭС, чистые бланки, угловые штампы и печати различных городских учреждений. Но, самое главное, служебный «Маузер» и удостоверение личности бывшего прокурора города.

Ничтоже сумятившись, все по умному запротоколировали и рванули на доклад к начальнику милиции полковнику Дьяченко.

А от него, с обнаруженным оружием и удостоверением, ко мне, как к непосредственному куратору. Я тоже был ошарашен этими находками и, захватив их с собой, ушел на доклад к прокурору (тот был недавно к нам назначен).

Затем, по его указанию, допросил задержанную оперативниками Юлию.

Держалась та достойно – никаких слез и истерик, а в ответ избрала наступательную тактику: все обнаруженное в квартире – милицейская провокация.

В свое время, мол, отказалась помочь в получении жилья одному из ее начальников. Пистолет же и удостоверение у нее как-то забыл наезжавший в гости и находившийся «под шафе», бывший городской прокурор. И ничего криминального тут нет.

Тем не менее, после допроса, я Юлию арестовал и ее поместили в камеру ИВС.

Следствие по делу провели тщательно и всесторонне. Причем установили еще один немаловажный факт: диплом об окончании юридического факультета Ростовского университета у обвиняемой оказался «липовый». Она была отчислена со второго курса ВУЗа за какую-то аферу.

По совокупности совершенных преступлений – взяток, злоупотребления служебным положением и мошенничества, авантюристку осудили на пять лет лишения свободы. Материалы об обнаружении у нее «компромата», оружия и удостоверения, в деле, естественно, отсутствовали.

Их вернули по ведомственной принадлежности.

Причем в горисполкоме по этому поводу произошли некоторые кадровые изменения, а к нам в "контору" примчался гость из области. Тот самый бывший прокурор, чьи властные атрибуты нашли у мошенницы.

Теперь он работал начальником областного управления юстиции, являлся депутатом областного Совета и, естественно, не желал огласки той старой истории.

Удостоверение полковнику вернули, а «маузер» оставили для служебных нужд.

Прошло несколько лет. Я продолжил службу прокурором в соседнем городе.

И как-то на прием по хозяйственному уголовному делу, касающемуся филиала крупного предприятия Донецкой области (тот располагался в нашем городе) ко мне записался маститый адвокат оттуда.

А с ним была... Юлия. Еще более расцветшая и похорошевшая.

Как оказалось, в «местах не столь отдаленных» она была недолго-половину срока. И трудилась не на производстве, а секретарем у начальника колонии.

С его помощью восстановилась в университете, где получила диплом, теперь уже настоящий. И работала начальником юридического отдела в названном выше предприятии.

Пообщались мы тогда плотно – дончане настаивали на прекращении дела, я возражал. Кстати, впоследствии эта пара, дойдя до прокуратуры Союза ССР, его успешно развалила, а автор этих строк едва не получил выговор.

Самое же интересное то, что второе имя Юлии, а точнее псевдоним, было "Юдифь". И являлась она агентом органов госбезопасности.

На пленэре

Окончив рабочий день, я с кожаной папкой в руке следую через парк домой, с чувством выполненного долга. На дворе стоит июль, по дорожкам носится детвора, на скамейках, тут и там, отдыхают ветераны.

Затем парк заканчивается, я миную школу, и по тротуару, вдоль засаженной липами улицами, выхожу к своему дому.

У подъезда, где моя квартира, стоит милицкий «Уаз». Называемый у нас «канарейкой».

Когда подхожу ближе, из него выходит молодой сержант.

– Так что в Нижнем, на Донце всплыл утопленник, – сообщает он. Я за вами.

– Хорошо, – вздыхаю я. – Щас едем.

Эту неделю я дежурю по прокуратуре и выезжаю на все, с признаками криминала, трупы.

Поднявшись в квартиру, сообщаю жене, что задержусь, та понимающе кивает.

Сначала она ждала меня из автомонок в Заполярье, теперь ждет со всякого рода происшествий. Что поделаешь.

После этого я спускаюсь вниз, сажусь рядом с водителем в «канарейку», и мы следуем в горотдел милиции. Он ниже моего дома по главной улице, в типовой постройки кирпичном здании.

Там состав пополняется начальником угро Толей Пролыгиным, опером Лешей Дюсовым и экспертом – криминалистом.

Мы не здороваемся, поскольку сегодня уже встречались. Утром выезжали на висельника.

– Ну что, вперед и с песнями? – говорит Толя, захлопнув дверцу.

– Типа того, – отвечаю я, после чего сержант врубает передачу.

«Уаз» разворачивается на стоянке, мы катим по проспекту назад, а затем на перекрестке у автовокзала сворачиваем на трасу Первомайск – Горское, в сторону Северского Донца.

– Так что там за утопленник? – оборачиваюсь я назад. И где – конкретно?

– Цуприк сообщил, что мужик, – говорит Толя. – Сразу за селом, на одном из диких пляжей.

Старший лейтенант Цуприк участковый инспектор, обслуживающий Нижнее и примыкающий к нему поселок Светличное, в котором насосная станция, обслуживающая водой половину Донбасса.

Село крупное, основано еще при Екатерине II как форпост, первыми его жителями были сербы.

Город между тем остается позади, впереди черный гудрон трассы, окаймленной зелеными посадками. За которыми, до горизонта, поля цветущих подсолнухов и уже наливающейся колосом пшеницы. Над ними, в еще светлом небе, парит ястреб.

Спустя полчаса мы подъезжаем к селу, виднеющемуся в долине. Оно утопает в садах, с высокими осокорями на окраине.

На взгорке нас встречает участковый, на служебном, с коляской «Ирбите».

– Здорово, Николай Иванович. Рассказывай, – говорит Пролыгин, первым выйдя из машины.

– Та шо рассказывать? – пожимает нам руки старший лейтенант. – Тут гидрологи с Донецка промеряли на катере глубину и на него наткнулись. Сплывал вниз по течению. Ну, я и дал команду причалить жмура к берегу.

– Ты их опросил? – интересуюсь я.

– Ну да, – кивает фуражкой Цуприк. – Объяснения отут, – хлопает по висящей на боку планшетке.

Вслед за этим мы снова грузимся в «Уаз», участковый заводит мотоцикл и сворачивает с асфальта на тянущуюся вниз к Донцу, колдобистую грунтовую дорогу.

Через пару километров она выводит нас в густой смешанный лес, тянущийся вдоль реки. Мотоцикл останавливается на поляне.

– Дальше пешки, – говорит Цуприк, когда мы встаем рядом.

Выгружаемся, идем за ним по тропинке, меж папоротников, которая выводит к наклонившимся к воде плакучим вербам на берегу, под которыми двое пожилых рыбаков удят рыбу.

– Добрый вечер, дядьИ, – приветствует их участковый.

– И вам тэж, – приподнимают те над головами кепки.

Еще через пять минут, ниже по течению, открывается небольшой дикий пляж со старым кострищем посередине. Метрах в трех от уреза воды, в илистом наносе, белеет наполовину торчащее оттуда тело.

– Это гидрологи его отак воткнули, – разясняет участковый. – Обвязали веревкой и на полном ходу у бэрэг.

– А веревка где? – интересуюсь я.

– Забрали.

– Так, Серега, – оборачивается Толя к водителю – сержанту. Тащи из машины буксир. Будем вытаскивать. – А ты, Николай Иванович, – организуй понятых и какой-нибудь грузовик для доставки.

Вскоре сержант возвращается с капроновым буксиром в руке, а за ним двое уже виденных нами рыбаков.

– Будете понятыми, – говорю я, вслед за чем разясняю им обязанности.

Оба дядька косятся на тело и кивают.

Далее я извлекаю из папки протокол, криминалист расчехляет фотоаппарат и делает обзорную съемку, после чего Дюсов, раздевшись до трусов, чертыхаясь, лезет с буксиром в речной ил к объекту.

– Еще чуть-чуть, давай, – поощряет его начальник, держа в руке разматывающуюся бухту.

Добравшись до тела и погрузившись по колено, оперативник захлестывает его ноги петлей и, отмахиваясь от комаров, возвращается назад. – Тяните.

Начальник с криминалистом тянут, – раздается громкое «чмок», утопленник оказывается на пляже. Он довольно свежий (бывало похуже) и почти не пахнет.

Видимых повреждений на теле нет, а от чего наступила смерть, установят судмедэксперты.

Спустя еще час, завершив осмотр и отпустив дядьков, мы перекуриваем в стороне, ожидая машину для доставки. Кругом уже вечерние сумерки, на небе фиолет, от воды тянет прохладой.

Наконец где-то вверху слышен гул мотора, потом хлопают дверцы, и на пляже появляется Цуприк, со свертком брезента подмышкой, в сопровождении небритого мужика, в шоферском комбинезоне.

– Отловил токо этого, на «захаре», – кивает участковый на него. – Увэчэри с грузовиками у нас в селе напряженка.

– Так он же бухой! – подойдя к небритому вплотную, восклицает криминалист.

– Ни в коим рази, – отрицательно вертит головой шофер, а потом валится на песок и засыпает.

– Ну, и что прикажешь теперь делать? – обращается к Цуприку начальник

– Поки будэмо грузить, проспиться, – уверенно заявляет Николай. – А наавтра я з ним розбэруся.

– Ну-ну, – говорит Пролыгин. – Разбикайся.

Вслед за этим рядом с телом расстилается брезент, на него помещается усопший, и опергруппа, кряхтя, тащит его по тропинке к «ЗИСу».

Далее открывается задний борт, груз помещается в кузов, и пока мы восстанавливаем дыхание, Цуприк отправляется за шофером.

Отсутствует минут десять, возвращается один и сообщает – уби гад! (немая сцена).

– Да, давно со мной такого не было, – первым нарушает ее Пролыгин. – Кто умеет водить грузовик? (обводит всех взглядом).

– Я могу, – отвечает Дюсов. – Рулил на таком в армии. Правда, давно было.

– Значит тебе и карты в руки, – заводит.

После этого Леша лезет в кабину грузовика, запускает двигатель, а потом высовывается и кричит, – у него света нету!

Следует вторая немая сцена, – прерываемая непечатными выражениями.

На дворе уже стоит ночь, в небе мигают звезды, грунтовка впереди едва просматривается.

Решаем ехать цугом. Впереди и сзади наши «Уаз» с мотоциклом (для подсветки), грузовик посередине.

На трассу выбираемся почти час, переваливаясь на рытвинах с колдобинами. Останавливаемся на взгорке.

Вдалеке мерцает огоньками хат село, за Донцом цокает соловей, звонко и дробно.

Здесь Цуприк передает мне объяснительные гидрологов из планшетки, а затем предлагает «повэчэрьть».

– А у тебя есть? – недоверчиво косится на него Пролыгин.

– Эгэ ж, – отвечает Николай. – Узав вдома, когда отлавливал грузовик.

– Хоть что-то хорошее, – довольно изрекает Дюсов.

Далее мы все подходим к «Ирбиту», из люльки которого участковый попеременно вынимает пластиковую канистру с водой и плетенную из лозы корзину, обвязанную чистой холстиной.

Пока все моют руки, он накрывает «поляну».

На расстеленном у мотоцикла полотне, в свете фар, возникают изрядный шмат сала, крупные огурцы с помидорами, десяток яиц и кирпич хлеба. Последней извлекается солдатская, в чехле фляга, а к ней два граненых стакана.

Когда мы завершаем омовение, все готово.

Усаживаемся вокруг, Толя берет в руку флягу, отвинчивает колпачок, нюхает.

– Хлебная?

– Ага, житня, – кивает Цуприк. – Чиста як слеза. Рекомендую.

Пролыгин набулькивает себе и мне по четверти стакана, молча выпиваем. Когда круг завершается, и все утоляют первый голод, – повторяем.

– Ну, прям, как на пленэре, – высосав очередное яйцо, довольно щурится криминалист.

– А шо цэ таке? – вскидывает брови Цуприк.

– Ну, типа, отдых на природе, – разъясняет Дюсов.

Прикончив все, что было на «столе», закуриваем и слушаем соловья. Тот теперь разливает трели.

– Гарно спивае мужик, – говорит Цуприк.

– А почему мужик? – не понимаю я.

– Соловьи, Николаич, не спивают, – поднимает он вверх палец. – Точно знаю.

Затем мы прощаемся с Николаем, его мотоцикл стрекочет к селу, а опергруппа грузится в машины.

Впереди «Уаз», за ним грузовик, катят по пустынной трассе.

Лопухнулись

Было это в то время, когда страна жила за «железным занавесом» и не знала европейских ценностей.

Бизнес тогда назывался спекуляцией и карался лишением свободы, а за самогонование можно было получить три года.

Одним таким днем, мы с начальником милиции города, где я в то время служил прокурором, получили нагоняй на заседании бюро горкома.

Там, помимо прочего, рассматривался вопрос о борьбе с названными антисоциальными явлениями, и работа правоохранителей в данном направлении была признана неудовлетворительной.

Особо возмутило Первого секретаря поступившая на его имя коллективная жалоба граждан в отношении яркой самогонщицы и спекулянтки по фамилии Бадер.

Жила она в добротном доме на окраине города близ Лугани, где активно курила зелье, доставляла с Ростова вяленых лещей, а с Астрахани черную икру, и все сбывала на городском колхозном рынке, а также среди знакомых.

Муж ее шабашил по колхозам, а сын, известный хулиган, отбывал очередной срок в местах не столь отдаленных.

– До каких пор будет продолжаться это безобразие?! – грозно спросил нас Первый, зачитав вслух письмо. – В то время как вся страна активно строит коммунизм, вы потворствуете антисоциальным элементам!

– М-м, – переглянулись мы с начальником милиции (спорить было себе дороже) и заверили, что примем в отношении нарушительницы закона самые строгие меры.

– Вот-вот, примите, – пробурчал партийный лидер. – И обязательно осветите это в городской печати. Дабы никому не было повадно.

Потом заседание закончилось, мы покинули горком и направились к своим машинам.

– Щас приеду, накручу своим хвост, – сказал на прощание начальник милиции. – Чтобы служба раем не казалась.

– Ну-ну, накрути, – согласился я. – Жду результатов.

Результаты не заставили себя ждать. Правоохранители плотно обложили нарушительницу и, спустя неделю, накрыли на горячем.

Та поутру, в летней кухне, выгнала три трехлитровых банки самогона, охлаждавшегося на столе, и выводила из режима, стоявший на печке аппарат.

Здесь же, на лавке у окна, сидел ее шестилетний внук, болтая ногами и наблюдая за процессом.

– А вот и мы, гражданка Бадер, – нарисовался в дверном проеме начальник ОБХСС по фамилии Марченко, лично руководивший операцией.

Вместе с участковым и еще одним оперативником, они пробрались на усадьбу со стороны речки, через сад.

Возникла немая сцена.

Потом хозяйка вышла из ступора и разразилась площадной бранью, но ее быстро уgomонили, а заодно провели беглый осмотр. Давший дополнительный результат.

В картонном ящике, на полу, золотились вяленые донские лещи, явно приготовленные на продажу.

– Ну что, – обернулся Марченко к участковому, – давай Семеныч за понятиями, а мы пока обождем в доме. Очень уж тут жарко.

После этого участковый, нюхнув одну из банок ушел, а остальные направились через широкий двор к высокой, увитой плющом веранде.

В доме Бадерша, посадив на колени внука, уединилась в обставленном импортной мебелью, просторном зале, а начальник с опером (того звали Манжула) расположились при входе в прихожей.

– Ба, а ба, – поглядывая на чужих дядей, тихо спросил внук. – Чего теперь будет?

– Теперь, внучек, они увезут меня в тюрьму, как твоего папу, – погладила его по вихрастой голове старуха.

– А можно чтоб не увезли?

– Можно, – последовал ответ, и она стало что-то нашептывать ему на ушко.

Мальчик понятливо кивал, а затем спрыгнул на пол и просеменил в прихожую.

– Дядя, можно я пойду на улицу погуляю? – остановился рядом с Марченко.

– Погуляй, – согласился тот. И ребенок тут же исчез за дверью.

Время между тем шло, а участковый не появлялся.

– Его только за смертью посылать, – недовольно пробурчал Манжула.

– М-да, что-то задерживается Семеныч, – взглянул на часы начальник.

Наконец на веранде хлопнула дверь, но вместо участкового появился мальчик.

– Уже нагулялся? – спросил Манжула.

– Ага, – кивнул тот и прошмыгнул в зал к бабке.

Спустя еще несколько минут, в дом вошел потный участковый.

– Еле нашел понятых,— доложил начальнику. – Из соседей никто не согласился, опасаются. Пришлось сходить на другую улицу.

– Так, гражданка Бадер, прошу на выход – встал тот со стула. – Сейчас оформим протокол и поедете с нами.

– А этот как получится – отозвалась та. И взяла внучка за руку,— пойдем, Алеша.

Во дворе уже ждали понятые, (двое средних лет женщина и мужчина), а через забор заглядывали соседи.

– Значит так, уважаемые, – обратился к понятым Марченко.— Сейчас мы осмотрим летнюю кухню гражданки Бадер – указал на хозяйку, – а вы подпишите протокол. Ясно?

Те молча кивнули.

Каково же было удивление опергруппы, когда в летней кухне обнаружили только пустые банки из-под самогона и такой же ящик.

– Ну што? – уперла руки в бока Бадерша. – Давайте, составляйте свою бумагу!

Делать было нечего, пришлось оформлять протокол, только об обнаружении и изъятии самогонного аппарата, за что предусматривались исправительные работы или штраф.

Как впоследствии выяснилось, Алеша, вылил весь самогон в подпол, находившийся под летней кухней, а лещей сжег в еще горевшей печке.

Шустрый оказался мальчик. Под стать бабушке.

Мазурики

– Записал, – сказал дежурный ГОВД майор Хорунжий. – Щас высылаю опергруппу.

После чего положил ручку на журнал, прервал вызов и набрал домашний номер телефона дежурного следователя прокуратуры.

– Слушаю, – ответил через серию длинных гудков, сонный голос.

– У нас труп, Евгений Александрович.

– Рад слышать,— пробурчал голос. – Высылайте машину.

Далее майор вщелкнул трубку в пульт и нажал на нем одну из кнопок.

На панели замигал красный огонек, а затем микрофон хрюкнул и прохрипел «слушаю».

– Белоусов ты? – наклонился к нему майор.

– Я.

– У нас очередной жмур. Следовательно я уже сообщил. Давай на выезд.

Электронные часы на стене показывали без четверти шесть утра, за окнами алел рассвет, день обещал быть погожим.

Вскоре в дальнем конце коридора хлопнула дверь, послышались шаги и за плексигласом дежурной части появился старший оперуполномоченный угро, капитан Белоусов. В сопровождении эксперта-криминалиста с чемоданчиком и сержанта – водителя.

Белоусов был спортивен и худощав, а еще заочно учился в юридическом институте, повышая профессиональный уровень. Криминалист давно его закончил и учиться больше не хотел, а водитель-сержант недавно пришел из армии.

– Так, что за жмур и куда ехать? – зевая, наклонился к окошку капитан.

– Бабка померла по Макушкина, в доме девять, – поднял на него глаза Хорунжий. – Следовательно я уже позвонил. Захватите по дороге.

– Непременно, – ответил Белоусов, и тройка направилась к выходу.

На улице было свежо, пахло акацией с ближайшего парка.

Спустившись с высокого крыльца, группа прошла на служебную, сбоку горотдела стоянку, где блестели росой несколько автомобилей и уселась в зеленый с желтой полосой на борту УАЗ, именуемый в народе «канарейкой».

Потом взревел двигатель, и автомобиль, развернувшись перед зданием, покатиł по пустынному проспекту в сторону центра.

На перекрестке, рядом с автовокзалом, где уже стояла пара рейсовых «Икарусов» в которые вяло грузились пассажиры, «канарейка» свернула налево, и порулила в сторону нового жилого массива.

Там она остановилась у одной из высоток, с цветущими у подъездов клумбами и приняла на борт старшего следователя городской прокуратуры Острикова.

Он был юристом 3-го класса, что соответствовало лейтенанту, а по складу характера являлся оптимистом.

Здороваться с группой следователь не стал, поскольку за ночь они выполняли третий выезд, а только сказал «трогай Вова», усевшись рядом с водителем.

Сержант, выжав сцепление, врубил скорость, и автомобиль взял курс на нужную улицу.

Она располагалась в десяти минутах езды от новостроек, в старой части города и была застроена двухквартирными, с приусадебными участками, домами. Именовавшимися с учетом архитектуры «финскими».

После войны их возводили находившиеся в плену оккупанты, прочно и добротно.

У третьего по ходу движения строения, со старыми липами у забора, навстречу машине замахала решительного вида тетка. Рядом с ней стоял благообразного вида старик. С палочкой и в летней шляпе.

– Вроде здесь, – сказал водитель, после чего остановил автомобиль, и группа выбралась наружу.

– Здравствуйте. Чего тут у вас? – обратился к женщине Остриков, помахивая в руке папкой.

– Наша соседка, Петровна померла, – испуганно заявила тетка.

– Вон, в той половине (ткнул палкой старик в дальнюю часть дома).

– А когда это случилось?

– Точно не знаю, – пожала женщина плечами. – До этого мы ее два дня не видели, а сегодня утром постучали в дверь – тишина. Никто не открывает.

– Точно, – добавил старик. А еще у нас ночью собака выла.

– Эта та Петровна что, живет сама? – поинтересовался Белоусов.

– Ну да, мужа схоронила лет пять назад, а сын работает на приисках, в Магадане.

– А у нее во дворе собака есть?

– Нету.

Вслед за этим группа во главе со следователем (соседи сзади) пошла ко второй половине дома. Громко хлопнула калитка.

Пройдя по бетонной, с выбоинами дорожке, затененной садовыми деревьями, все подошли к невысокому крыльцу веранды, Остриков шагнул на него и постучал костяшками пальцев в дверь.

Ответом, как и ожидалось, была тишина. Все переглянулись.

Постучал еще раз, сильнее. Никакого эффекта.

– Щас посмотрю в окна, – сказал Белоусов и направился по травке к первому, за углом веранды.

Там он прижался лбом к стеклу и с минуту понаблюдав, сообщил, – вижу бабу. Сидит в дальнем конце комнаты в кресле. Точно неживая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.